

ШОЛОХОВСКОЕ СЛОВО

ГЕРОИ «Поднятой целины» для нас — живые, к тому же бесконечно родные, близкие люди.

Они продолжают жить вместе с нами. Они — наши современники в самом высоком значении этого слова. С Давыдовым и Нагульновым, с Разметновым и Майданниковым, с Шалым и Дубцовым и, конечно же, с дедом Щукарем мы держим житейский совет за просто и душевно, как с отцом или братом, с товарищами по работе или добрыми соседями, к которым тянет по вечерам заглянуть «на огонек», потолковать про жизнь...

Не эта ли живая, кровная близость читателя и героев литературного произведения, созданная талантом необычайной мощи, заставляет нас и радоваться, и тут же настаивать на всякий раз, когда мы узнаем, что нам хотят поведать о них средствами иных родов искусства? Мы рады новой встрече с ними, но и побаиваемся: «А не будет ли вместо, скажем, любушки Давыдова некто ряженный под него? А вместо живого, как говорится, со всеми его потрохами дедушки Щукаря — этаким эстрадным балагуром, выпущенный для «оживления» драматических и даже трагедийных картин народной жизни и борьбы?». Были же осечки в некоторых инсценировках «Поднятой целины». Да и в одноименном двухсерийном фильме, в целом-то добротном, далеко не все, кого мы так любим, удалось.

И вот волнующие строчки в программе московского ра-

Премьера радиопостановки «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

дио: «Радиопостановка «Поднятая целина». Страницы романа лауреата Ленинской премии М. А. Шолохова...»

Мне довелось слышать чтение автором варианта главы, в которой Агафон Дубцов передает Давыдову свое, Майданникова и Бесхлебнова заявления о приеме в партию. Это было задолго до опубликования главы в «Правде» в том окончательном виде, какой она уже и вошла в книгу. Если кратко сказать о том, как читал в тот раз Шолохов, вспоминается прежде всего, что это было не чтение в обычном понимании, а рассказ, живой рассказ человека о живых людях, хорошо ему и нам, слушающим, знакомых, в судьбе которых все мы вместе кровно заинтересованы...

Это впечатление предельной непосредственности, душевной теплоты вспомнилось третьего дня после премьеры радиопостановки «Поднятая целина». Как незаметно быстро промелькнули два с половиной часа, в течение которых шла передача! А это первый признак того, что новая встреча с желанными людьми была хорошей.

Снова вместе с Давыдовым вдыхали мы в степи без конца и края хмельные запахи травы и непросохшего чернозема. Видели синие вдали курганы, напомнившие ему vzdыбленные штурмом волны Балтики. Родовались родниково-чистой любви Давыдова и Вари Харламовой. Как бы сами беседовали, наставляя на ус мудрость жизни, с Иваном Аржановым, человеком с чужинкой. Проникались сердечнейшей симпатией к беззаветному рыцарю мировой революции Нагульнову. Смеялись над лукавыми выходками Щукаря... И снова смахнули непрошеную слезу, когда прозвучали в эфире заключительные слова постановки, слова — реквием автора романа дорогим его сердцу бойцам партии из далекого донского хутора Гремячий Лог.

Давно выключен приемник, а мысли все возвращаются к только что пережитым событиям, к людям, участвовавшим в них... Почему? Думается, потому, что режиссерам И. Ильинскому и А. Шипову, замечательно подобранному ими коллективу актеров удалось главное — художественно передать радиослушателям мужествен-

ное обаяние шолоховского слова.

Поначалу вроде бы и суховатый, артист Г. Некрасов в роли Давыдова по мере развития действия создает глубокий образ, в некоторых сценах (объяснение с Варей, монолог-раздумье после разговора с Аржановым) достигающий большой драматической силы.

Автор сценария В. Гришаев взял за основу линию Давыдов—Варя Харламова. Трудная задача стояла поэту перед С. Мизери, играющей эту славную, ясную, как зорька, девушку. Артистка нашла краски, которым веришь.

Наибольшая удача, думается, выпала на долю двух актеров. Снова надо отдать должное Е. Матвееву. Как и в фильме «Поднятая целина», в радиопостановке воспринимаешь сыгранного им Нагульнова как самого Нагульнова. Слово со страниц романа сошел, наконец-то, и дед Щукарь в исполнении И. Ильинского. Нет, это не балагур-пустомеля, а тоже человек с чужинкой, которого надо понять. Таким и видишь (да, видишь!) деда Щукаря. По-разному он ведет себя «на людях» (сцена партийного собрания) и наедине с другом (разговор с Давыдовым в степи, на пути в Миллерово). И. Ильинский проникновенно подметил и передал это нам. Думая о роли Щу-

каря, невольно сожалеешь о том, что И. Ильинский раньше не взялся за нее, и одновременно радуешься еще одному успеху большого артиста. И как тут не высказать пожелание развить этот успех, продолжить работу над образом, оказавшимся столь близким ему!

Велика заслуга в общем успехе постановки артиста М. Ульянова, читающего текст от автора. Немеркнущее шолоховское слово звучало то с сердечной теплотой, то иронически-насмешливо, то ласково, то будто разрываясь от острой боли невозвратимых потерь.

Из других участников передачи по первым впечатлениям после премьеры хотелось бы отметить артистов А. Ханова (кузнец Шалый) и Б. Горбатова (Островнов). Их диалог на партийном собрании исполнен напряженной, страстной драматичности, борьбы.

Все, кажется, на месте, все хорошо. И режиссура, и актеры, и музыка (композитор Р. Леденев). Следовало бы разве лишь для лучшей соразмерности всех частей композиции несколько сократить сцену со стращухой на полевом стане.

Новой художественной работе московского радио предстоит долгая жизнь. Уже идут добрые отзывы благодарных слушателей. И среди них — просьбы повторить передачу. Просьбы эти понятны. Такую постановку хочется слушать еще и еще.

М. МАРФИН

Литература и жизнь
Г. Москва

26 ЯНВ 1962